

ВСТРЕЧИ С ЭРНСТОМ НЕИЗВЕСТНЫМ

«Древо жизни» вырастет в нашей столице

В связи с открытием в Москве первой персональной выставки Эрнста Неизвестного мастер, живущий ныне в США, несколько дней находился в нашей столице.

Вот где мне особенно повезло. Учился вместе с замечательными людьми — Александром Зиновьевым, автором книги «Зияющие высоты», где и ваш покорный слуга выведен, Борисом Грушиным, известным профессором социологии, создателем своей научной школы, и Мирабом Марджанишвили, интереснейшим грузинским мыслителем. Президент Грузии Эдуард Шеварднадзе просил сделать памятник Мирабу для Тбилиси. Сделал без денег — он же друг мой был...

На родине Неизвестный работал главным образом как скульптор-монументалист. Он автор огромного барельефа «Человек и Наука» в Зеленограде, 15-метровой статуи «Прометей», которая стояла на выставке «Электроника-72» в Сокольниках, скульптуры «Золотой ребенок», установленной в Одессе в прошлом году, мемориалов жертвам сталинизма для Магадана и Воркуты... На выставке Неизвестный показал свои живопись, графику, в том числе циклы гравюр к Данте и Достоевскому, скульптуру малых форм, произведения ювелирной пластики.

— Эрнст Иосифович, подходит ваш юбилей — 70-летие. Оглядываясь на пережитое, какие события жизни вы считаете для себя важнейшими?

— За меня на этот вопрос уже ответили некоторые журналисты и искусствоведы. Пишут, будто главное в моей жизни — знаменитое столкновение с Хрущевым на выставке 1962 года в Манеже. Но я и раньше не спал!

А Никита Сергеевич, конечно, тогда завелся. Особенно поначалу. Скажу честно: меня он не испугал. Пугающее выглядело партийные идеологи, стоявшие за его спиной...

Тот конфликт, безусловно, был событием, но на мою творческую жизнь, на мои убеждения он повлиять уже не мог. Никак!

— Исследователи вашего творчества отмечают роль в нем переживаний, связанных с войной. Увиденное и пережитое стало темой скульптурных циклов. Ведь так?

— Это осталось навсегда. 22 апреля 1945 года был тяжело ранен в Австрии. Меня наградили орденом Красной Звезды — по ошибке «по-смертно». А я как бы прошел путь туда — в смерть и обратно — в жизнь. След такого пути остается помимо воли. Демобилизовался инвалидом II группы. Такой «статус» для человека тоже кое-что значит...

— Вы родом из Свердловска — Екатеринбург, но после войны поступили в Академию изящных искусств в Риге. Почему туда и почему вы там учились только год?

— Все произошло благодаря родственникам, жившим в Риге. Из-за них я туда поехал, из-за

серьезно знаете философию, в особенности философию творчества. Из МГУ?

— Университет напугал меня знаниями, но страсть к русской философии родилась у меня прежде, лет в 15, еще перед войной...

— Но ведь в те времена преподавали только марксизм-ленинизм?

— Прежде всего я из интеллигентной семьи. Отец — врач, из белых офицеров, мама — известная писательница Бела Дижур. Недавно, а ей 94 года, издала в Америке свою новую книгу «Тень души». По профессии она — биолог, во времена гонений была причислена к «вейсманистам-морганистам». Известно, что в молодые годы ее считали невестой поэта Николая Заболоцкого. Разговоры о русской философии, о Владимире Соловьеве, Николае Федорове, Павле Флоренском я слышал с детства.

Мой дядя до 20-х годов имел свои типографию и издательство в Оренбурге. Оно так и называлось «Издательство Неизвестного». Когда бывал у него в доме, повсюду — на чердаке и в чуланах — находил интересные книги. Все остальное ценное конфисковали, а книги не взяли...

— Как у вас складывалась творческая жизнь после окончания института? Были сложности до конфликта с Хрущевым?

— Еще какие! Из-за всякого рода конфронтов, навязываемых властями, решил покинуть Москву, чтобы устроиться литейщиком на

шататься в мою судьбу.

— А что, «человек от Андропова» так и не появился?

— Наоборот. Вдруг возникает и упавшим голосом сообщает: «Мы с Юрием Владимировичем проиграли — отстояли зарубежный паспорт только Ростроповичу». И добавляет: «Суслов вас очень не любит. Поэтому настоятельно советуем ехать на Запад, иначе придется отправляться далеко-далеко на Восток...»

Через день получаю вызов. Слово вызовы здесь печатать. Дают два дня на сборы. Потом сажают в самолет и я — в Вене. Так меня выгнали из Союза.

— Что вы чувствовали тогда, покидая Родину, за которую сражались, где столько дорогого оставили?

— Было бы слишком горько, если бы остался предоставленным самому себе. Но в Австрии меня сразу принял Крайский. Он знал, что я сражался в его стране, освобождая узников концлагерей, знал, что там был тяжело ранен. Он сам — участник Сопротивления. И, конечно, был знаком с моим творчеством...

В жизни мне приходилось встречаться со многими видными политиками, с папой римским, с президентами, с премьер-министрами... Одни из них блистают остроумием, другие знанием жизни, третьи, возможно, лучшие из политиков. Об этом не мне судить. Скажу, что людьми очень высокого интеллектуального потенциала я нашел Франсуа Миттеррана и ныне

здравствующего и переизбранного вновь президента Тайваня Ли. Но самое большое впечатление на меня произвел все же Крайский — интеллигент и поэт...

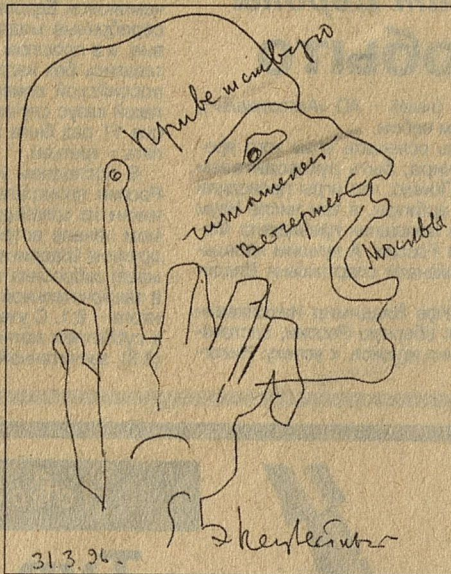
— Что же получается? Отъезд за рубеж разделил пройденный вами творческий путь почти точно пополам: 1956 — 1976 и 1976 — 1996. Можно ли сравнить два этих двадцатилетия?

— Можно, но не однозначно. Жизнь души, творческое становление происходят вне зависимости от материальных и бытовых благ, а часто даже и от самой свободы.

Но, если сравнить то, что удалось осуществить, второе десятилетие, конечно, перетянет. Совсем другие условия!

— Что вы считаете важнейшими достижениями?

— Я живу в Нью-Йорке на небольшом острове Шелтон, недалеко от района Сохо. Там по своему проекту построил дом или «Эрнст-студио». Этим домом я горжусь. О нем пишут даже архи-

ЕВТЕРПА КЛИО ТАЛИЯ МЕЛЬПОМЕНА ТЕРПСИХОРА ЭРАТО ПОЛИГИМНИЯ УРАНИЯ КАЛЛИОПА КИНО

них же и уехал оттуда. Несогласие латышей с властью я испытал тогда на себе. Студенты по недоразумению сочли моего дядю-строителя за кагэбэшника. Стали буквально меня выживать.

— Каким образом?

— Студенты сами тогда месили глину для лепки на занятиях. Смотрю: в моей глине — толченное стекло. Раз, другой... Ну, думаю, здесь мне не учиться. Подарил рижскую квартиру одной латышке. Местные власти ее сразу прописали и русского сразу выписали. Она, хоть и была бедна, мне все-таки кожаное пальто потом подарила. В нем я и отправился налегке искать счастья в Питер и Москву...

— И попали в Художественный институт имени Сурикова?

— Да. Снова сдал экзамены. И я — в классе у самого Александра Терентьевича Матвеева. Но скоро пришла пора ждановщины и замечательного скульптора уволили из педагогов «за формализм». Чудовищно это было. Однако хорошие учителя в институте не перевелись. Я занимался потом у Николая Васильевича Томского и Матвея Генриховича Манизера.

Все эти мастера, начиная с Матвеева, мне многое дали. В молодости я, может быть, этого не ценил, но в зрелом возрасте преисполнился к ним чувства благодарности.

И сейчас в Штатах, где я профессор, говорю коллегам и своим студентам-скульпторам: советская школа искусства в техническом смысле была очень высока. Другой такой просто нет.

Бюст Б. Н. Ельцина. 1996, бронза, драгоценные камни.

— Вы говорите о мастерах «соцреализма», а вас считают учеником великого авангардиста Татлина. Нет ли здесь противоречия?

— Нет! Если профессора Суриковича сделали меня профессионалом, то Владимир Евграфович Татлин научил меня мыслить творчески и творить, мысля философии. Он ушел из жизни в 1953 году, оставленный властями и чиновниками от культуры без всякого внимания. Но я счастливо, что застал его в живых. Успел с ним не только беседовать, но и рисовать...

Благодаря Татлину в моем творчестве соединились два начала — фундаментализм и модерн, кубо-футуризм и конструктивизм с традиционализмом...

— А кто из одноклассников, сокурсников оказал на вас влияние или дружил с вами?

— Так получилось, что друзья-ровесники были у меня не в Суриковке, а в МГУ. Я как инвалид войны имел в институте свободное расписание, посещая только курсы по основной специальности. Благодаря этому я смог учиться на философском факультете университета.

Свердловский вагоностроительный завод «Металлист». Когда были венгерские события 1956 года, ребята в Москве и еще кое-где шумели. А я на заводе лил скульптуры из чугуна и «коллекционировал» медные водопроводные краны для будущих изваяний.

Затем был Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Выставка в Центральном парке, которую то закрывали, то открывали. Мне присудили тогда две медали.

— Эрнст Иосифович, скульптор Неизвестный стал очень известным в Москве 60-х годов. Какие проекты вам удалось осуществить в нашем городе и тогда, и позднее?

— Горько говорить, но Москва стала могилой моих проектов. Сделал проект скульптуры «Зодчий Федор Конь» для Кремля — осталась модель в Русском музее. Для нового МХАТа на Тверском бульваре завезли красивый туф из Армении. Должен был резать рельефы из этого камня. Запретили. Туф пошел на облицовку здания, а убранство придумали другое.

Видели на боковых стенах кинотеатра «Россия» незаполненные углубления? В них должны были быть маски моей работы, символизирующие зрителей. А сквозь отверстие в центре пандуса должна была подниматься скульптура, символизирующая киноискусство. Ничего этого нет.

В Зеленограде Ленин стоит на постаменте, сооруженном для моего «Прометея». Перед Военно-воздушной академией должна была стоять скульптура «Крылья Холопа». Ее из гипса в металл не перевели. И вскоре она разрушилась...

— Ну и перечень! Ничего не давали осуществлять?

— Это далеко не все. Я выиграл первый конкурс монумента для мемориала Победы на Поклонной горе. Было это еще в 1962 году. Отказались ставить. Выиграл конкурс на монумент для площади Гагарина. Поставили другой.

Под выставочным куполом в парке «Сокольники» стоял мой 15-метровый электронный «Прометей» с кибернетическими молниями — воплощение идеи синтеза человека и машины. Выставка «Электроника-72» закрылась — скульптуру вытащили и стали разбивать молотками...

— Китайская культурная революция?

— Другие аналогии трудно отыскать.

— Все это и вынудило вас покинуть Союз в 1976 году?

— Несмотря ни на что, я уезжать не хотел. Я даже не считал себя диссидентом, а только отстаивал свое право работать так, как считаю нужным. За границей уже знали мои работы. Я получил 67 приглашений приехать с выставками, выполнить проекты, отдельные заказы...

Но меня не выпускали, хотя в Москве мою крохотную мастерскую навещали Жан Поль Сартр, Нильс Бор, другие знаменитости...

— И работать все равно не давали?

— Запрещали даже издания дантевского «Ада» и «Преступления и наказания» Достоевского — книг, за иллюстрации к которым я получил международные награды. Когда же чудом удалось издать «Преступление...» в Издательстве Академии наук, практически весь тираж отдали за доллары за рубеж...

Мало того! Стали привлекать меня к несурзным уголовным делам. Например, пытались «пришить» кражу бронзы. Шло следствие. Я сказал тогда Шелепину: «Сколько можно заниматься такими глупостями?!»

— А реакция?

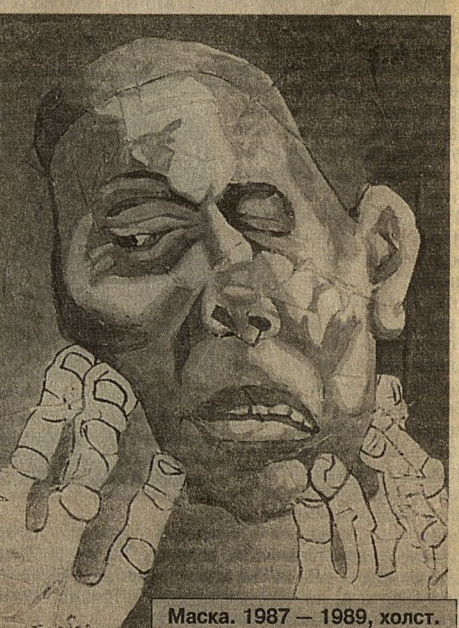
— Сошло. Они ведь часто были непредсказуемыми.

И вот однажды со мной пожелал встретиться некий человек. Говорил, он от Андропова. Просил не бунтовать. Обещал: Ростропович и я скоро получим заграничные паспорта.

Прошло немного времени. Ситуация осложнилась. Стали «шить» что-то новое. О паспорте — ни слуху ни духу. Теперь уже выгоняют из Союза художников, лишают мастерской...

Тогда-то обо мне сняли документальный фильм, который показывали на Западе. Он заканчивался моим обращением к Брежневу: «Я вас не боюсь. Я могу умереть, а вы можете взять на себя еще одну смерть — смерть художника...»

Потом узнал, что канцлер Австрии Бруно Крайский звонил Косыгину, призывая его вме-

Маска. 1987 — 1989, холст.

тектурные журналы. Но главное — рядом с ним парк скульптуры, где 28 моих работ. Музей под открытым небом, где изваяния в рост по 7 метров и все воплощены в материале.

Счастлив я и тем, что мои работы есть во многих музеях мира, что мои монументы установлены в разных уголках планеты. Но сожалю, что пока очень мало их в России, в пределах бывшего Союза.

Даже в Российском посольстве в США постоянно находится 10 — 15 моих работ. Их, правда, не покупают. Но они украшают залы, когда здесь встречаются самых важных гостей. Так недавно я был здесь на приеме, устроенном Чернобырским, беседовал с Виктором Степановичем и вице-президентом Гором. Было очень приятно, когда Борис Николаевич Ельцин передал в дар ООН в честь ее 50-летия бронзовую модель моего монумента «Древо жизни».

— Были сообщения, что 7-метровый вариант композиции «Древо жизни» установят теперь в Москве. Это уже решено?

— В принципе — да. Предполагается установить «Древо» в культурно-торговом центре, сооружаемом на Манежной площади. Но возможны и другие варианты. У «Древа» есть очевидное преимущество — сферический, яйцеподобный контур, который легко вписывается в архитектурную среду в отличие от вертикальных и горизонтальных композиций.

Но окончательное решение нужно принимать побыстрее. Скульптура пока в гипсе, а отливать ее — приблизительно год. Очень много тонкого литья в «Древе жизни». Там изображения птиц, зверей, мифологических существ, двойников стихий...

— Последний мой вопрос будет, пожалуй, очень непростым. Какую цель вы считаете главной или особо важной для художников и деятелей искусств нашего века?

— Ответу сразу. Я об этом много думал. Мастера просветительского XIX века замечательно потрудились в аналитическом творчестве, выявляя различия и различия национальных культур. Их пафос вообще был в анализе.

Сейчас же, со времен Кандинского, Малевича, Филонова, Татлина, — эпоха синтеза. Гораздо интереснее искать сродства и подобия, не затушевывая, правда, различия. Ведь большие и неожиданные сродства обнаруживаются не только между европейскими культурами, но, скажем, между искусствами русским и японским. Увидеть их, по-моему, очень благородно и плодотворно.

— Спасибо, Эрнст Иосифович, за беседу. Примите лучшие пожелания нашей газеты в связи с вашим 70-летием.

— Спасибо.

На прощание художник берет лист бумаги. И делает, почти не отрывая руки, рисунок с посвящением нашим читателям.

Беседу вела Ольга НИКОЛЬСКАЯ